

УДК 81.272
ББК 81.0 (Англ.)

**Агапова С.Г.,
Гущина Л. В.**

РОЛЬ ЭВФЕМИЗМОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

Подробно рассматриваются: понятие информационной войны, ее характерные черты, цели, а также средства и методы ведения. Одним из вербальных средств информационного противоборства являются эвфемизмы, для которых в случае военных конфликтов характерна манипулятивная составляющая. Анализ фактического материала, иллюстрирующего сирийский конфликт, наглядно представляет манипулятивные возможности употребления эвфемистических выражений в публикациях средств массовой информации с целью оказать такое влияние на сознание общественности, чтобы впоследствии стало возможным внесение изменений в ее когнитивную и поведенческую структуры.

Ключевые слова: *информационная война, эвфемизм, информационное противоборство, политкорректность, манипуляция.*

Агапова София Григорьевна – докт. филол. наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-919-894-92-80
E-mail: s-agapova@mail.ru

Гущина Людмила Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-928-103-20-45
E-mail: milnekh@yandex.ru

© Агапова С.Г., Гущина Л.В., 2015.

Современные политические и общественные реалии XXI в., развитие научно-технического прогресса, послужившие переходу общества к качественно иной форме существования – информационной цивилизации, способствуют созданию и развитию новых видов современных войн, противоборств.

Характерными чертами таковых являются: 1) глобальность, определяемая всемирным территориальным масштабом и всесферным охватом физического пространства (суши, моря, воздуха и космоса); 2) тотальность, предполагающая охват всей иерархии пространств жизнедеятельности человека, включая в себя: физическое (материальное, экономическое), ментальное (политическое, информационное, психологическое) и духовное пространства; 3) сетевой характер; а также 4) широкое использование невооружённых средств. Таким образом, война, будучи порождением человека, несёт в себе три его составляющие: физическую, ментальную и духовную [Корабельников, www].

Организованное на государственном уровне вмешательство в информационное пространство другого государства получило наименование информационной войны [Почепцов, www]. Руководствуясь своей целью поражать программно-техническую, радиоэлектронную и физическую гражданскую информационную инфраструктуру государства-противника посредством обширного использования невооружённых средств, информационная война представляет собой один из актуальных видов современных противоборств.

Такое противоборство втягивает в себя всю нацию, делая каждого ее представителя в какой-то степени солдатом – в военное или мирное время. Другими словами, информационная война ведется против нации как политической тотальности. Данное положение дел связано с переосмыслением цели войны, которая теперь не принуждает противника к локальным уступкам, как в эпоху «кабинетной дипломатии», не требует его полного разгрома, безоговорочной капитуляции и свержения его власти – как в войнах XX в.; но стремится к полной аннигиляции политической власти, а вместе с тем и государственности противника [Корабельников, www].

Возникнув в 1970-х гг. вследствие зрелости информационных средств, развития научно-технического прогресса и информационной интеграции мирового сообщества, информационная война стала самостоятельным видом внешней политики [Крынина], обладая неограниченными возможностями полностью растворить государственность и политическую структуру противника, обесмыслив тем самым действия его вооружённых сил. И именно такая политическая «нейтронная бомба» является подлинным оружием нового поколения, в отличие от любого типа пиаровских мнимостей, порождающих разговоры про «бесконтактную войну» или «сетевые войны» [Корабельников, www].

Сегодня, в век информации, наиболее доступным способом передела сфер влияния является не только открытая оккупация, но и завуалированные влияния через средства распространения сведений на народ, которые стимулируют недовольство народа и направляют его против действующей власти. Одну из ключевых ролей в такой деятельности играет освещение событий на международном уровне [Носкова, с. 101].

Информационная война предполагает собой использование различных коммуникативных технологий по воздействию на массовое сознание, опираясь на знание его интересов, ценностей и идеалов, с целью внесения изменений в его когнитивную структуру с последующими соответствующими изменениями в поведенческой структуре.

В информационной войне особую роль играют средства массовой информации (далее – СМИ), которые помимо своей первоочередной функции передачи информации, посредством передачи специальным образом выбранной информации задают характер реакции реципиентов на нее. Тем самым СМИ фактически переходят в статус регулятора общественным мнением. И в этом смысле мы можем говорить, что некоторые средства информационной войны являются манипулятивными, поскольку оказывают влияние на противника посредством скрытого воздействия на адресата, мотивированного неблагоприятностью намерений, желаний, целей и установок манипулятора – в данном случае СМИ, посредством использования определенных языковых средств, в результате чего у манипулируемой общественности происходит создание иллюзии добровольного принятия мнения, излагаемого источниками СМИ, проявление особой заинтересованно-

сти, осознание актуальности и необходимости совершения определенных действий, ожидаемых манипулятором.

Среди манипулятивных языковых средств СМИ особое место занимают политические эвфемизмы, которые «прикрываясь» политкорректностью, оказывают манипулятивное воздействие на общественность. По сути, политическая корректность является ничем иным, как тенденцией политического дискурса к соблюдению языкового такта, дипломатического этикета, которые выражаются в имплицитной форме передачи информации для создания желаемого для власти образа. Это означает, что политкорректность направлена на сокрытие острой истины происходящего, сглаживание возникших, но нежелательных ситуаций и пр.

Использование эвфемизмов в политическом дискурсе СМИ с целью манипулирования общественным сознанием приобретает колоссальные масштабы, особенно при освещении военно-политических конфликтов, нередко способствуя разделению общества на два лагеря – «за» и «против».

Широко используются политические эвфемизмы и при описании конфликта в Сирии. Следует отметить, что применительно к данному государству можно отметить следующие основные методы ведения информационно-войны: дезинформация общественности средствами распространения сведений [Сирии мстят..., www] и прекращение вещания сирийских национальных каналов. Дезинформация общественности о событиях, происходящих в Сирии, заключается в приписывании противоправных действий оппозиции государственной власти: убийства мирных граждан, применение химического оружия и др. [Носкова, с. 101].

В настоящее время в США сложились два полярных мнения о происходящем в Сирии: одни американцы поддерживают президента и считают ввод войск на территорию сирийского государства необходимой мерой, в то время как другие рассматривают ввод войск как вмешательство во внутренние дела страны. Перед президентом США стоит выбор: развязать войну или нет, поэтому существительное «war», обладающее мощной отрицательной коннотацией, как правило, не встречается в материалах СМИ, будучи замененным стилистически нейтральными эквивалентами, типа: *presence*, *operation* или *mission*. Например: «*And he worries that without a strong U.S. presence in Syria, things could go very, very wrong*» (After Assad: What's Next for the Future of Syria?, 2012). Здесь вместо словосочетаний *ввод войск* или *военное вторжение*, обладающих резко негативной коннотацией, используется имя существительное «*присутствие*» (*presence*), являющееся стилистически нейтральным. Следует отметить, что во время эвфемистического преобразования происходит процесс «изъятия» сем, несущих в себе отрицательную оценку. В результате такого рода замены редуцируются семы «захват», «незаконность цели», поэтому отрицательная оценка полностью нейтрализуется благодаря смысловой неопределенности. «*Присутствие*» представляется общественности как естественное событие, которое не должно вызывать

серьезной обеспокоенности, таким образом, создавая в сознании реципиента мировоззренческую установку о действительной необходимости военного присутствия США в Сирии.

Ряд эвфемистических выражений построен на базе стилистических явлений, например: «*Bob Corker, the committee's top Republican, adding that his support for military force hinges on a commitment not to place boots on the ground*» (Kerry Creates Uncertainty Over "Boots on the Ground" in Syria, 2013). Выделенное словосочетание представляет собой целый комплекс лингвистических явлений – это эвфемистическое выражение, образованное с помощью метонимии и используемое для замещения таких выражений, как: «*invading army*» или «*military occupation*», изменяя негативную оценку реципиента сообщения на нейтральную.

Другое эвфемистическое выражение, обнаруженное нами в процессе исследования и представляющее собой особый интерес, – это «*to open up the door to forces on the ground*», в основе которого лежит метафора: «*Under questioning from Corker, he said he was offering a hypothetical for another situation entirely when he opened up the door to American forces on the ground in Syria*» (Kerry Creates Uncertainty Over "Boots on the Ground" in Syria, 2013). Поскольку ценностная доминанта общества представляет собой постулат о том, что война – это зло, постольку мотивом использования указанного эвфемизма является желание скрыть неправовые действия правительства.

Эвфемизмы используют и как способ «сохранения лица у субъекта политики» [Шейгал, с. 239]. Так, в своих политических речах Б. Обама и Д. Кемерон не используют слово «*war*», а заменяют его нейтральным эквивалентом «*military action*», например: «*Now, after careful deliberation, I have decided that the United States should take military action against Syrian regime targets. This would not be an open-ended intervention*» (President Obama's speech on Syria, 31.08.2013).

Интересно то, что американские специалисты вместо самого термина «*information war*», однозначно трактуемого как информационная война, предпочли, на наш взгляд, эвфемизм «*information warfare*», имеющий относительно нейтральное значение информационной деятельности, предпринимаемой неким политическим образованием с целью ослабления или уничтожения другого политического образования; уравнивающей противоборствующие стороны, называя их конкурентами, соревнующимися и политическими соперниками. Очевидно, что такое толкование информационной войны оправдывает и узаконивает ее неправовые средства и методы ведения.

Во всех политических речах или дебатах, особенно со стороны представителей США, делается упор на то, что общественности следует воспринимать их возможные военные действия как желание помочь сирийскому народу установить демократию в стране. В этой связи в СМИ широко представлены эвфемизмы, усиливающие эффект осознания того, что цели правительства США исключительно гуманные, никакие экономические или политические интересы в данном регионе не преследуют-

ся, соответственно, изменяя мировоззренческую установку реципиента. Например: «*For nearly seven decades the United States has been the anchor of global security*» (President Obama's speech on Syria, 10.09.2013).

Используются и слова *escalate / escalation* для нейтрализации возможного негативного восприятия ситуации, которая может сложиться в регионе в ближайшем будущем, например: «*The conflict in Syria has deteriorated further into violence and the U.S. government says there is some evidence that the Assad regime may escalate the conflict by using chemical weapons in its fight against rebel forces*» (Syria Conflict Could Escalate In Many Directions, 2012).

При анализе фактического материала, связанного с названиями военных операций, которые страны предлагают провести для установления порядка в Сирии, нами было обнаружено эвфемистическое выражение «*surgical strike*», означающее преднамеренный, выборочный воздушный удар. Следует отметить, что первое зафиксированное употребление данного эвфемизма относится еще к 1965 г.: «The idea of American planes suddenly and swiftly eliminating the missile complex [in Cuba in 1962] with conventional bombs in a matter of minutes – a so-called «surgical» strike – had appeal to almost every one first considering the matter, including President Kennedy...» [Rawson, p. 272]. Данное выражение построено на медицинской метафоре, значение которой сводится к проведению боевого действия в качестве способа исцеления, как будто действующий режим является раковой опухолью, и таким образом создает у читателя мировоззренческую установку о том, что удар поможет исцелить Сирию: «*Sen. Ed Markey, a member of the Senate Foreign Relations Committee, is calling for “surgical strikes” against sites Syria could use to launch chemical weapons*» (Sen. Markey: “Surgical Strike” A Must To Punish Syria's Assad, 2013).

В СМИ также встречается выражение «*preemptive strike*», означающее неожиданный удар. Обращаясь к историографии данного эвфемизма, следует отметить, что своими корнями он уходит к 7 декабря 1941 г., когда Япония нанесла удар по американской военно-морской базе Перл-Харбор. Министр Юстиции США, Роберт Ф. Кеннеди, и стал создателем этого выражения, впервые употребив его по случаю проведения такого удара во время Карибского кризиса: «A sudden air strike at dawn Sunday without warning, said the Attorney General, would be 'a Pearl Harbor in reverse, and it would blacken the name of the United States in the pages of history'... the Cuban people would not forgive us for decades, and the Soviets would entertain the very dangerous notion that the United States, as they had feared all these years, was indeed capable of launching a pre-emptive first strike» [Rawson, p. 218]. Например: «*Some hold that preemptive strikes are never permitted, as the UN Charter requires an existing “armed attack” for one to use force and carry out self-defense measures*» (Is a preemptive strike on Syria's WMD legal?, 2013).

Как полагает Е.И. Шейгал, любой эвфемизм основан на «приумении степени отрицательного признака или на переключении оценоч-

ного знака с отрицательного на положительный» [Шейгал, с. 236], в этом случае выражение «*preemptive strike*» может являться классическим примером. Оно используется для замещения выражения «*unprovoked attack*», т.е. атаки без предупреждения, осуществляемой лишь для гарантии того, что враг не нападет первым. Очевидно, что смысловое содержание становится размытым, но при этом эвфемистическое перефразирование *unprovoked attack* – *preemptive strike* представляет собой эквивалентную замену, искажая, по сути, действительный результат военной операции.

Одним из основных мотивов использования эвфемистического словосочетания является камуфлирование аморальных действий в отношении мирного населения. В результате номинация является если не положительной, то нейтральной, например: «*I am among those who call for a preemptive strike by Syria,*” said Syrian Minister for Reconciliation Ali Haidar, in a telephone call with Bloomberg News on Sunday» (Syrian minister calls for preemptive strike on America, 2013).

Необходимо отметить, что говоря о возможных военных действиях, журналисты часто используют имя прилагательное «*limited*», в связи с чем семантика эвфемизма «*a limited strike*» является весьма неопределенной и допускает достаточно широкий диапазон возможных интерпретаций, так как неясно, какого рода удар будет совершен: «*President Obama is prepared to move ahead with a limited military strike on Syria, administration officials said Thursday, despite a stinging rejection of such action by America’s stalwart ally Britain and mounting questions from Congress*» (Obama Set for Limited Strike on Syria as British Vote No, 2013).

Для смягчения высказывания в речах и дебатах политические деятели наряду с «*limited strike*» употребляют также и такие выражения, как: «*limited military intervention*», «*limited military action*», «*limited use of force*» и т.п. Мы полагаем, что благодаря использованию имени прилагательного «*limited*» данные выражения приобретают статус эвфемизмов, так как, смягчая высказывание, они осуществляют тактику создания мировоззренческой установки о необходимости и правомерности использования военной силы: «*Even a limited strike will send a message to Assad that no other nation can deliver*» (President Obama’s speech on Syria, 10.09.2013).

Эвфемизм «*to keep the pressure*» используется для обозначения проведения военных операций в случае эскалации конфликта с целью изменения негативной оценки ситуации реципиентом на положительную. Например: «*We have to keep working on this with the National Coalition, keep the inter-national pressure on the regime, and encourage countries globally to provide the necessary funding*» (Mr Hague, House of Commons, 10.01.2013).

При изучении политических эвфемизмов, используемых в описании реального военного вторжения и военно-политических конфликтов в других регионах, нами были выявлены следующие языковые единицы: «*involvement in Iraq*», «*a prolonged air campaign*», «*the convulsions in the Middle East and North Africa*», «*conflicts in the Middle East and North*

Africa». Согласно исследованию, результаты которого были опубликованы на сайте BBC News 19 октября 2013 г., около 500 тысяч людей погибли во время войны в Ираке. Журналисты и политики проводят определенные параллели между конфликтом в Сирии и войной в Ираке, именно поэтому особое внимание, на наш взгляд, заслуживают выражения, камуфлирующие слово «*war*» для того, чтобы в сознании реципиента не создавалась картина, связанная с ужасами войны в Ираке. Например, резкое слово «*war*» переименовано в «*open-ended action*», «*prolonged air campaign*» или «*conflict*» для улучшения денотата и сокрытия правды о его отрицательных сторонах. Например: «*I will not pursue an open-ended action like Iraq or Afghanistan*» (*President Obama's speech on Syria, 2013*); «*I will not pursue a prolonged air campaign like Libya or Kosovo*» (*President Obama's speech on Syria, 2013*) и т.д.

Таким образом, следует отметить, что политические эвфемизмы, наряду с другими лексическими средствами, являются одним из действенных способов камуфлирования действительности, манипулирования сознанием общественности в ходе информационной войны. Политики и журналисты используют их для создания у читателя определенной картины событий, которая очень часто далека от реальности. Политические эвфемизмы больше не используются из принципа вежливости для сокрытия чего-то неприглядного или тайного, став одним из мощнейших средств воздействия на аудиторию с целью полного изменения представления о тех или иных событиях.

Литература

Корабельников А.А. Новая война: сущность, содержание и проблемы // Академия военных наук Российской Федерации // <http://www.avnrf.ru/index.php/publikatsii-otdelenij-avn/nauchnykh-otdelenij/voennogo-iskusstva/207-novaya-vojna-sushchnost-soderzhanie-i-problemy> (дата обращения: 26.04.2015).

Крынина О.Ю. Дефиниции понятия «информационная война»: анализ российского и зарубежного опыта // Новые технологии. 2009. №3.

Носкова И.А. Информационная война против Сирии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. №1(32).

Почетцов Г.Г. Информационные войны: базовые параметры // <http://psyfactor.org/psyops/infowar9.htm> (дата обращения: 21.09.2013).

Сирии мстят за её позицию в регионе // <http://sana.sy/rus/325/2013/05/08/481136.htm> (дата обращения: 21.09.2013).

Шейгал Е.И. Эвфемизация в политическом дискурсе // Языковая личность: проблемы креативной семантики. Волгоград, 2000.

Rawson H. Rawson's dictionary of euphemisms and other doubletalk. New York: Crown Publishers, Inc., 1995.

References

Korabel'nikov A.A. Novaya voina: sushchnost', sodержanie i problemy // Akademiya voennykh nauk Rossiiskoi federatsii // <http://www.avnrf.ru/index.php/publikatsii-otdelenij-avn/nauchnykh-otdelenij/voennogo-iskusstva/207-novaya-vojna-sushchnost-soderzhanie-i-problemy> (data obrashcheniya: 26.04.2015).

Krynina O.Yu. Definitcii ponyatiya «informatsionnaya voina»: analiz rossiiskogo i zarubezhnogo opyta // Novye tekhnologii. 2009. №3.

Noskova I.A. Informatsionnaya voina protiv Sirii // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2014. №1(32).

Pocheptsov G.G. Informatsionnye voyny: bazovye parametry // <http://psyfactor.org/psyops/infowar9.htm> (data obrashcheniya: 21.09.2013).

Sirii mstyat za ee pozitsiyu v regione // <http://sana.sy/rus/325/2013/05/08/481136.htm> (data obrashcheniya: 21.09.2013).

Sheigal E.I. Evfemizatsiya v politicheskom diskurse // Yazykovaya lich-nost': problemy kreativnoi semantiki. Volgograd, 2000.

Rawson H. Rawson's dictionary of euphemisms and other doubletalk. New York: Crown Publishers, Inc., 1995.

Agapova S.G., Guschina L.V. (Southern federal university, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Role of euphemisms in information war

This article is devoted to the role of political euphemisms as the manipulative means of modern information wars on the example of the Syrian conflict. It is considered in detail: the concept of information war, its characteristic features, objectives, means and methods. One of the unarmed means of information resistance is the media as a regulator of general-governmental opinion, has a wide arsenal of verbal means, in particular, operating with euphemisms that in case of military conflicts characteristic manipulative component is typical. An analysis of the factual material illustrating the Syrian conflict, clearly presented, is the possibility of manipulative use of euphemistic expression in the publications of the media to exert such influence on the minds of the public that later became possible to change cognitive and behavioral patterns. Usage of euphemisms is often explained by the needs of political correctness, but the latter, in fact, is nothing more than a tendency of political discourse to comply with the measure of language, diplomatic etiquette, which are expressed in implicit form of transmission of information to create the desired image for the government. In other words, "politically correct" language tools in the information war are not in connection with the ideas of tolerance, but rather are aimed at hiding sharp truth of what is happening, smoothing any unwillingness-enforcement situations.

Key words: *information warfare, euphemism, information warfare, political correctness, manipulation.*

Agapova Sophia Grigorievna – Ph.D. of linguistics, professor of theory and practice of the English language dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication, Southern federal university.

Phone: 8-919-894-92-80; e-mail: s-agapova@mail.ru

Guschina Lyudmila Viktorovna – candidate of linguistics, professor assistant of theory and practice of the English language dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication, Southern federal university. Phone: 8-928-103-20-45; e-mail: milnekh@yandex.ru